

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЯЗЫКА У АРМЯНСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ¹

В. Н. Ракачев, Я. В. Ракачева, В. Г. Аветисян

Ракачев Вадим Николаевич

Эл. почта: midav.sf@mail.ru. ORCID 0000-0002-6505-4208

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия.

Ракачева Ярослава Владимировна

Эл. почта: soccenter.kubsu@gmail.com. ORCID 0000-0003-0540-6408

Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, Краснодар, 350040, Россия.

Аветисян Ваэ Гагикович

Эл. почта: slavius1@rambler.ru. ORCID 0009-0006-4789-1308

Российско-Армянский (Славянский) университет, ул. Овсепя Эмина, 123, Ереван, 0051, Республика Армения

Аннотация. В статье на основе результатов социологического исследования, проведенного в 2021–2023 гг. рассматривается функциональное пространство языка у армянских мигрантов в России. Авторы предпринимают попытку определить специфический набор функций, которые выполняет язык (языки), показать, какие из них актуализируются в ситуации миграции, как осуществляется языковой выбор, как на него влияет языковая политика принимающего государства и каким образом это отражается на языковом сознании и идентичности мигрантов. Отмечается, что миграция на новые территории, как правило, связана со значительными культурными изменениями, важнейшими из которых являются лингвистические. Для большинства мигрантов переезд связан с необходимостью освоения нового языка, что становится неотъемлемым условием успешной адаптации и интеграции в принимающее общество. Анализ ситуации с мигрантами из Армении в России показывает, что функциональное пространство языка характеризуется сложной композицией выполняемых им функций. В качестве наиболее актуализированных выступают: функция стимулирования и направления миграции, адаптационная функция, функция сохранения и воспроизводства этнической культуры, а также функция идентификации. Эффективная реализация обозначенных функций языка способна обеспечить более комфортные условия для мигрантов в принимающем обществе и напрямую зависит от языковой политики, которая, с одной стороны, должна быть направлена на обеспечение необходимого уровня языковых компетенции мигрантов, а с другой — формировать у них чувство принадлежности к новому окружению с учетом их прежних привязанностей. Вместе с тем необходимо учитывать, что чувство принадлежности напрямую зависит от миграционных планов: стремятся ли они осесть, закрепиться в стране или рассматривают ее как пункт временного назначения. В статье реализуется комплексный подход, сочетающий современные концепции идентичности, миграции и социолингвистики.

Ключевые слова: миграция, идентичность, языковое сознание, Армения, Россия, транснационализм, маркеры идентификации, языковая политика, лингвистический капитал.

Введение

Современный мир характеризуется высоким уровнем территориальной мобильности, в которую сегодня включены в большей или меньшей степени все

¹ Статья подготовлена в рамках реализации совместного российско-армянского проекта «Механизмы трансформации национальной идентичности в современных миграционных процессах (на примере миграционной сети Армения – Юг России)», № 20-511-05019 Арм_а, при финансовой поддержке РФФИ.

страны. Россия является одной из основных стран-доноров, но также продолжает оставаться важной страной назначения для международных мигрантов. В 2020 г. Российская Федерация вошла в первую десятку стран, отдающих международных мигрантов, а среди стран-реципиентов она занимает четвертое место в мире после США, Германии и Саудовской Аравии (Доклад о миграции в мире — 2022). Значимым миграционным партнером России выступает Армения. По данным за 2023 г. по числу прибывших в РФ из стран СНГ Армения занимает 4-е место после Таджикистана, Киргизии и Украины, а по показателям сальдо миграции она находится на 3-м месте (Социально-экономическое положение России за 2023 г.) При этом около 90% международных мигрантов из Армении в 2023 г. были вовлечены в миграционный обмен с Российской Федерацией (The Demographic Handbook of Armenia Yerevan, 2023).

Анализ структуры миграционных перемещений между Россией и Арменией в последние десятилетия позволяет говорить о значительной доле временных трудовых мигрантов, о трансграничном характере большинства миграций между Россией и Арменией (Ракачев, Ракачева, 2021). Однако кем бы ни были современные мигранты: «глобальными кочевниками», как их определяет З. Бауман (Бауман, 1998), которые мигрируют в поисках условий, равных их навыкам и возможностям, «постиндустриальными мигрантами», которые готовы работать где угодно за низкую плату (Кинг, 1993), или теми, кто мигрирует в результате гражданских беспорядков, войн или преследований, — все они сталкиваются с общей проблемой — изменением культурной среды. И прежде всего перемещения людей в современном многоязычном мире сопровождаются сменой языков и культур. Мало того, благодаря мигрантам усиливается многообразие языков и культур принимающих обществ.

В этих условиях состояние мигранта — это состояние пограничного, переходного существа. Он переходит от исходного языка и культуры к языку и культуре принимающего общества таким образом, что этот переход происходит как в физическом, так и в символическом смысле — как переход от одного способа говорить, писать о мире и интерпретировать его к другому.

Символические маркеры имеют множественный характер, при этом среди всей палитры значимых символов и ценностей особо выделяется язык. Он играет важную роль в истории и культуре любого народа, во многом именно с языком отождествляется национальность.

Как социальное явление язык выполняет ряд важных функций. Во-первых, как отмечает Х. Джайлс и др. (Giles, Coupland, Coupland, 1991), язык — это средство коммуникации, он выступает важнейшим инструментом социальной адаптации, благодаря ему выстраивается система социальных контактов, обеспечивается более тесное взаимодействие и успешная коммуникация. При этом наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет еще и символическую роль. Язык формирует чувство родственности с группой и одновременно значим для дифференциации индивидов и сообществ. Он является основным средством, с помощью которого люди могут различать, принадлежит ли человек к их сообществу или же этот человек соотносит себя с каким-нибудь другим сообществом. Эти коллективы могут быть разными (возрастными, профессиональными и т.д.), но наиболее отчетливо проявляются группы, имеющие национальный или этнический характер. Таким образом, как отмечает В. Тишков, «национальную и этническую идентичности

можно рассматривать в тесной связи с языком. В этом случае он является не просто инструментом общения в социальном коллективе, но и обеспечивает ощущение отличия от других народов и государств» (Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России, 2021).

Языковая политика государства играет важную роль в формировании национального единства, оказывает сильное влияние на языковые практики. Особую актуальность это имеет по отношению к мигрантам, поскольку язык в данном случае выступает не только средством коммуникации, но и выполняет важную интеграционную функцию.

В этой связи рассмотрение того, как функционирует язык в ситуации миграции, какие функции выдвигаются на первый план и с помощью каких механизмов они реализуются в мигрантском сообществе, представляется актуальной научной и практической задачей.

Цель данной статьи — рассмотреть функциональное пространство языка у армянских мигрантов в России, определить специфический набор функций, показать, какие из них актуализируются в ситуации миграции, как осуществляется языковой выбор и как он влияет на языковое сознание и идентичность.

Методологические рамки исследования

Применительно к анализу миграций в данной работе мы опираемся на ряд концепций, описывающих миграционное поведение: притяжения-выталкивания (Г. Джером, Е. Ли), сетевую (синтетическую) теорию (Д. Мэсси, Г. Лоури), а также концепцию транснационализма (Schiller, Basch, Szanton Blanc, 1992; С. Каслз, Т. Файст).

Среди многообразия позиций и подходов к изучению и пониманию идентичности в ситуации с миграцией представляется целесообразным опираться на идеи интеракционизма и социального конструктивизма, где идентичность понимается как гибкий и нестабильный феномен, постоянно находящийся в процессе деконструкции и реконструкции (Jenkins, 2014; Krzyżanowski, Wodak, 2008; М.-К. Ла Барбера, Р. Брубейкер, Ф. Купер и др.), процессуальную теорию идентичности Г. Брейкуэлла (Breakwell, 1986).

В вопросах роли и места языка как маркера идентификации мы обращаемся к работам Э. Геллнера, который одним из первых сформулировал идею наличия общего языка как одного из наиболее значимых факторов формирования наций (Геллнер, 1991). В результате многие современные исследователи наций и национальной идентичности склонны разделять эту позицию (Tabouret-Keller, 1997; Донцов, Стефаненко, Уталиева, 1997). Ее распространению способствовал и общий «постструктуралистский» настрой, при котором все социальные структуры рассматривались как языковые конструкции, в том числе нации и идентичности тех, кто себя с ними ассоциирует. Соответственно в рамках этого дискурса национальные идентичности, по сути, не фиксированы и не даны изначально, а во многом зависят от утверждений, которые люди делают в разных контекстах в различное время. Кроме того, процессы идентификации основываются не только на этих утверждениях, но и на том, как такие утверждения принимаются, т.е. получают поддержку или отвергаются другими (Bechhofer et al., 1999). Как следствие, идентичность, по определению П. Рикера, приобретает «повествовательную» форму (Рикер, 1995).

Альтернативной является позиция, согласно которой язык как таковой не является определяющей чертой этнической идентичности, но вследствие культурной

и эмоциональной связи его значение не следует преуменьшать (May, 2000; Л. М. Дробужева).

Функциональное пространство языка рассматривается нами с позиций социолингвистики и социологии языка: мы опираемся на теорию коммуникативной адаптации и, в частности, используем идеи С. Германа (Herman, 1968), Дж. Фишман (Fishman, 1968), П. Траджила (Trudgill, 1986), А. Табуре-Келлер (Табуре-Келлер, 1978), Н. Вахтина (Вахтин, 2001) и других авторов в вопросах двуязычия и многофакторности в ситуации выбора языка в процессе коммуникации мигрантов. Важными представляются также исследования, посвященные взаимосвязям между языком и миграцией (Esser, 2006; Kerswill, 2006; Liebscher, Dailey-O’Cain, 2013).

Мы также обращаемся к концепции лингвистического (языкового) капитала П. Бурдьё (Бурдьё, 2005), которая помогает понять, как языковой капитал может быть переведен в другие виды капитала и прежде всего в капитал экономический.

Идея Бурдьё (Бурдьё, 2005) о том, что интеграция в единое языковое сообщество является результатом политического господства, которое постоянно воспроизводится институтами, способными обеспечить господствующему языку всеобщее признание, отсылает нас к вопросам языковой политики, в рамках которой могут актуализироваться одни функции языка и блокироваться другие (Тишков, Степанов, 2021; Алпатов, 2018).

Одновременно языковая политика должна быть адекватной сложившейся в обществе социолингвистической ситуации, которая в случае с Российской Федерацией определяется значительными миграционными потоками из сопредельных государств, что также требует регулирования (Гронская, 2012).

Методика исследования

Сбор эмпирических данных в исследовании осуществлялся с помощью качественного метода — глубинного слабоформализованного интервью, которые были проведены в 2021–2023 гг. среди армянских мигрантов в России и Армении (38 интервью), представляющих разные миграционные волны и, соответственно, с различными миграционными траекториями.

Результаты и обсуждение

Миграция из Армении в Россию имеет глубокие исторические корни, однако наибольших масштабов она достигла в конце прошлого столетия. Сегодня масштабный миграционный обмен между Россией и Арменией сохраняется, но приобретает новые формы, меняется структура и направления миграционных потоков. В целом миграция из Армении в Россию на протяжении последних десятилетий включает в себя несколько волн: 1) 1980-е гг., 2) 1990-е гг.; 3) 2000-е гг. по настоящее время. Среди причин, спровоцировавших эти миграции, преобладали экономические и социальные, они стали следствием целого ряда событий: землетрясения 1988 г., экономического спада в Армении, наличия зоны открытой конфликтности в районе Нагорного Карабаха и др. Но если мигранты первой волны совершали миграцию преимущественно безвозвратно, то в отношении второй и третьей миграционных волн можно говорить об их транснациональном характере (Zaslavskaya, 2015).

Вместе с тем при определенных отличиях есть ряд общих для этих мигрантов моментов, которые в том числе проявляются в языковой сфере.

Анализ материалов интервью в самом общем виде позволяет выделить несколько функций в рамках функционального пространства языка армянских мигрантов: 1) язык как фактор миграции; 2) язык как средство коммуникации и адаптации в новом обществе; 3) язык как маркер идентификации; 4) язык как инструмент сохранения и воспроизводства этнической культуры. Само собой, функциональное пространство языка не ограничивается перечисленными функционалом. Представляется, что он намного шире, однако в рамках данной статьи мы ограничимся рассмотрением обозначенных. Отметим также, что на функциональное пространство языка оказывают влияние и другие факторы, в первую очередь языковая политика государства, которая в российских условиях имеет свои особенности.

Рассмотрим, как эти функции проявляются в нарративах информантов.

Язык как фактор миграции. Решение о миграции — сложный процесс, в котором взвешиваются все «за» и «против», направление перемещений, выбор территории назначения, не в последней степени определяются языковыми компетенциями мигрантов. В этом смысле мигранты из Армении в большинстве своем родились и выросли в рамках советского и постсоветского пространства, где русский язык выступает в роли лингва-франка.

Мы жили с СССР. Тогда для нас не было России, Армении, Украины и так далее. Это была одна большая страна. И если где-то жить, то это только Россия, с русским народом, тем более мы владеем русским языком. Мой муж был за границей. Но, честно говоря, он там не хотел жить. И он утвердил, что если не в Армении, то только в России (жен., 64 г.).

В принципе, основная задача переезда в Россию тогда была связана ... был такой момент, если интересно или важно, могу сказать, что отец он всегда... ему ближе была русская среда. Ну, такая русскоязычная среда, менталитет ему всегда была ближе. Он и в советское время бывал неоднократно в России (муж., 42 г.).

Таким образом, владение русским языком играет, как правило, значимую роль в выборе России в качестве территории назначения для мигрантов из Армении. Но он также для отдельных категорий мигрантов действует и как выталкивающий из Армении фактор. К этой категории относятся русскоязычные армяне. В первую очередь это те, кто сначала мигрировали в Армению из Азербайджана, Грузии, других бывших союзных республик и с языковой точки зрения трудно встраивались в армянское общество, поскольку не владели или недостаточно владели армянским языком. Информанты изначально определяли себя как русскоязычных армян, что послужило фактором, подтолкнувшим к дальнейшей миграции в Россию, а Армения выступила в качестве транзитной точки в этой модели миграции.

Я родился в городе Сумгаите, на то время в Азербайджанской ССР. Мы ходили в русскую школу. Когда начались события в Сумгаите в 1988 году, <...> пришлось переехать оттуда в Армению. <...> Первое время было трудно, мы не знали армянского языка. Ну, знаете наш карабахский язык, который отличается от ереванского. И поэтому мы тогда начали ездить в Россию (муж., 49 лет).

В эту категорию мигрантов также попадают те армяне, которые в советское время в Армении хорошо знали русский язык, широко его использовали в том числе и в семье и практически перешли на русский.

Почему переехали именно в Россию? Ну, у меня русское образование, я заканчивала русскую школу, я заканчивала институт на русском языке. И поэтому выбор был однозначный — ехать в Россию, где я могу работать (жен., 64 лет, Россия).

Язык как средство коммуникации и адаптации в принимающем обществе. Мигранты, покидая привычную исходную среду, переходят в новую культуру, которая может быть совершенно незнакомой или более-менее знакомой. Чаще всего им приходится осваивать или усовершенствовать свои навыки владения другим языком, чтобы успешно функционировать в новой среде. Язык, таким образом, является своеобразным инструментом для успешной адаптации. Несмотря на тот факт, что в пределах постсоветского пространства большинство населения в той или иной степени владеет русским языком, уровень языковых навыков существенно отличается в зависимости от возраста, образования, языковой среды и пр. И если в условиях своего общества мигрантам было достаточно знать русский на уровне бытового общения, то по прибытию в Россию у многих возникают определенные проблемы. У мигрантов, в частности, возникают опасения, что степень владения языком выдаст в них чужаков, создаст неловкость в ситуации с лингвистическими ошибками, станет препятствием в трудовой сфере.

Конечно, знание языка отражается и на трудовой деятельности. Тем, кто не знает языка, с работой очень тяжело, все, кого я знаю, идут на стройку. Часть еще на рынок. Даже те, кто с армянским образованием, недавно переехавшие. Для них это проблема (жен., 64 г.).

Как видим, языковой капитал мигрантов, а именно уровень владения государственным (русским) языком оказывается в непосредственной зависимости от рынка труда и имеет прямую связь с экономическим капиталом. Лучшее владение русским языком повышает шансы не только получить официальную работу, но и претендовать на более престижные и высокооплачиваемые должности. Образовательный капитал в этом случае обладает гораздо меньшей ценностью либо не имеет ее в принципе.

Я и когда жил в Армении, и когда в России, пользовался русским языком. Специальность, по которой я работаю, она, хочешь, не хочешь, принуждает иметь дело с русским языком: и литература на русском, статей большое количество на нем (муж., 42 г.).

Однако наличие в России крупной армянской диаспоры в некоторой степени проблему знания русского языка снимает, в том случае, когда удастся устроиться на работу в компанию, где хозяевами и сотрудниками являются армяне и армянский язык может использоваться в рабочей сфере. Соответственно, здесь уже армянский язык выступает в роли языкового капитала. Показательно, что такая ситуация характерна в большей степени для мигрантов последней волны — трансмигрантов.

Поскольку хозяин был армянином, я уже не помню деталей, я подошла к нему и спокойно, на армянском, вежливо, уважительно обрисовала ситуацию, и он как свой человек просто понял, что на самом деле и как. Он сказал: все нормально, иди, работай (жен., 44 г.).

В ситуации, когда мигрант нацелен на закрепление в принимающем обществе, усиливается стремление повысить языковые компетенции и, если это удастся, достигается ситуация коммуникативного комфорта.

Когда я переехала, я плохо говорила по-русски, очень плохо. Понимала все, но говорила очень плохо: да / нет. Вопросы, если задавали, мне было очень стыдно разговаривать, а потом потихонечку, с годами научилась (жен., 58 л.).

Конечно, возникали проблемы, когда я только переехала, может, как-то плохо отвечала, так как «она/он» я путала. Потому что у нас в армянском языке нет «она/он», у нас есть «они». И я постоянно путала, и мне постоянно подчеркивали,

что «она — это она, он — он», и я объясняла, что я понимаю, просто в голове уже так установилось, и всегда путала. Ну сейчас, слава Богу, уже все понимаю, уже нет такого, что кто-то замечание сделал, кто-то как-то сказал (жен., 58 л.).

В то же время коммуникативное пространство в новом месте не ограничивается принимающим обществом, для части мигрантов оно условно разделено на «своих» и «других». Для тех, кто переехал с семьей, круг «своих» включает близких и знакомых, а также представителей диаспоры, с которыми в той или иной форме случается коммуницировать. Здесь чаще используется армянский либо используются два языка.

В основном говорим на русском, но с соседями — армянами, с армянами я иногда перехожу на армянский. Те, кто плохо говорит на русском языке, я перехожу на армянский (жен., 64 г.).

В семье мы говорим на русском и на армянском. Дети мои на русском разговаривают. Сейчас вот с внуком хочу разговаривать на армянском, чтоб он немножко знал. Он понимает, но не разговаривает. А так мы дома общаемся на двух языках (жен., 56 г.).

Ну, когда с родственниками, конечно, разговариваю на армянском. А с детьми стараюсь на русском, ну чтобы они его просто хорошо знали. Хотя я разговариваю на армянском иногда, бывает, проскакивает, а дочь на русском отвечает, то есть она понимает, но ответить не может на армянском (жен., 50 г.).

В семье мы чаще всего говорим на русском, конечно, хочется, чтобы дети говорили на армянском, но уже как-то у детей больше друзей русских. Ну это понятно — живем-то в России (жен., 47 л.).

В отдельных случаях мигранты в семейной коммуникации полностью переходят на русский, объясняя это тем, что живут в России и язык этот более практичен и востребован, а значит, владение им является приоритетным. Здесь проявляется установка, которую Н. Вахтин (Вахтин, 2001) определяет как мотивацию ожидания (престижа), когда взрослые сознательно решают не говорить с детьми на родном языке, чтобы облегчить им вхождение в новые социальные условия.

Мои дети в основном говорят на русском. Если честно, я им не препятствую в этом. Они, по всей вероятности, останутся здесь, здесь себя будут реализовывать. Так что они в большей степени «русские армяне». Может, конечно, в Армении все изменится к лучшему, и захотят ехать на историческую родину. Все может быть (жен., 64 г.).

Такая ситуация в целом является весьма типичной и связана с языковой политикой государства. Как показывают результаты исследования, проведенного специалистами Pew Research Center более чем в 20 странах, в среднем 91% опрошенных заявили, что для того, чтобы считаться настоящим гражданином, важно говорить на самом распространенном языке своей страны (Huang, Clancy, Austin, 2024).

Язык как маркер идентификации. Ситуация с языком как идентификационным маркером принимает своеобразные формы и развивается в сложные структуры. Многие информанты склонны считать родным языком тот, на котором они думают, а в случае длительного проживания в России и хорошего владения русским языком склонны считать его либо единственным родным языком, либо вторым родным языком.

В целом у армянских мигрантов проявляется несколько моделей языкового сознания.

Первая модель — родным считают армянский язык (причем даже в тех случаях, когда им не владеют совсем).

Родным языком я считаю армянский... Я свободно общаюсь, пишу, читаю. Потому что я армянским языком, можно сказать, знаю этот язык очень хорошо. Да, все диалекты, два литературных языка — это все я владею (жен., 56 л.).

Вторая модель родным считают русский язык, носители этой модели апеллируют к тому, что думают прежде всего на нем.

Родным скорее считаю русский язык. Я заканчивала русскую школу, поэтому соответственно я даже думаю на русском, а не на армянском. Свои мысли выражаю тоже на русском, так более легче, что ли. Армянским я тоже владею, свободно, как русским, без акцента (жен., 50 л.).

Третья модель — в качестве родного указывают оба языка — армянский и русский, причем армянским языком мигранты могут и не владеть.

На первое место я ставлю русский язык, потому что у меня русское образование. Ну и армянский я, конечно, знаю, это родной язык. Родной язык — армянский, но русским я хорошо владею. Скажем, ну как второй родной мой, второй родной. Я во время переписи записывала два языка себе и русский, и армянский (жен., 64 г.).

Ну, конечно, свой родной — это армянский язык, но русский язык мне уже тоже как родной, потому что практически всегда дома мы говорим по-русски (муж., 56 л.).

Оба языка (русский и армянский как родные языки. — Авт.), так как обе страны я считаю родной (жен., 48 л.).

Билингвизм армянских мигрантов как следствие трансформирует этническую идентичность: большинству из них свойственна гибридная идентичность, где в той или иной форме присутствует миграционный опыт, включающий не только свой собственный, но и опыт предыдущих поколений.

Мигранты более ранних волн, давно проживающие в России, часто склонны идентифицировать себя как «русских армян», т. е. как армян, рожденных в Армении, но живущих в России и поэтому ощущающих себя армянами только наполовину.

Ну, армянином, армянкой — это было когда-то, лет 20 назад, а щас — нет... Ну как-то связь с Арменией... я не скажу, что она оборвалась, нет, просто когда живёшь в России и соответственно семья в России, дети в России, как-то армянкой уже себя ощущаешь как бы наполовину. Вторая половина — больше россиянка (жен., 60 л.).

Этот вариант этнического самоопределения армян отражают материалы Всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., которые фиксируют идентичность на основе слов опрашиваемого. Так, например, в 2020 г. в этнических самоопределениях появляются такие двойные характеристики, как русские армяне, русско-армяне с языком армянским, армяно-русские и др. (Всероссийская перепись населения РФ 2020 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство).

Армяне-мигранты более поздних миграционных волн, соответственно, более сильно связанные с армянской культурой и Арменией в целом, армян старой диаспоры идентифицируют как «обрусевших». Таким образом, внутри диаспоры выстраиваются границы между мигрантами разных волн, формируется идентичность по принципу «мы» — настоящие армяне, «они» — уже нет.

Вот у меня родственники есть, вот село рядом — Гай-Кодзор. Оно практически армянское село. Там у меня есть родственники армяне. Они, если так можно сказать, обрусевшие. Я не думаю, что это обидное слово. Они, многие из них, даже языка не знают армянского. Они родились здесь и выросли. С начала 60-х годов переехали (муж., 35 л.).

Таким образом, этническая идентичность мигрантов определенным образом коррелирует с языковыми компетенциями, с одной стороны, но с другой — также

зависит от типа миграции: стремятся ли они осесть и закрепиться в России или рассматривают ее как место временного пребывания. Но даже во втором случае билингвизм оставляет свой след.

Я армянин с русским мотором, наверное... Я Вам скажу откровенно: мой менталитет, мое мировоззрение отличается от менталитета, мировоззрения местных армян (в Армении. — Авт.). Однозначно отличается (муж. 35 л.).

Фактически у этих мигрантов также формируется гибридная идентичность, вбирающая культурные, в том числе языковые, паттерны двух сред обитания.

Таким образом, проблема идентичности, прежде всего этнической (как основанной на языке), актуализируется в ходе миграции. Как полагает С. Холл (Hall, 1999), трансформация этнической идентичности мигранта начинается уже с того момента, как он планирует переезд, и интенсифицируется в зависимости от количества внешних факторов, воздействующих на этот процесс. По сути, повседневная беседа становится для мигранта средством аутентификации, поскольку говорящие могут указывать на различные этнические и национальные позиции посредством выбора языка.

Язык как инструмент сохранения и воспроизводства этнической культуры. Если русский язык востребован у армянских мигрантов как основной язык коммуникации с принимающим обществом и интеграции в это общество, что определяется российской языковой политикой, то армянскому языку, помимо прочего, отводится символическая роль. Он выступает связующим звеном с этнической историей и предками, виртуально связывает их и их потомков с исторической родиной, даже если они никогда там не бывали, является инструментом сохранения и воспроизводства этнической культуры. И в этом вопросе подавляющее число информантов поддерживали идею необходимости сохранения языка, даже если он широко не востребован в повседневной жизни. Многие из них стремятся обучить армянскому своих детей и внуков.

Многие армяне дома как-то специально переходят на армянский, чтобы дети знали армянский, да это очень хорошо. Пусть, пусть, ребёнок должен знать свой родной язык. Я считаю, что это правильно (жен., 64 г.).

Помимо семьи эту функцию берут на себя широко востребованные армянские классы и школы, как правило, функционирующие при армянских национально-культурных центрах и обществах.

В своих (центрах. — Авт.) организуют уроки армянского языка, в основном это делается по линии благотворительности. Но я вот, например, я знаю, что у нас в Анапе армянское общество очень много вот благотворительностью занимаются» (жен., 64 г.).

Так создалась изначально община, а потом решили называть армянский культурный центр, это наша Армения маленькая, мы приезжаем сюда, как будто мы в Армении находимся. ... Для сохранения культуры, сохранения национальности, для этого мы учим здесь армянский язык. Это твое лицо, ты армянин. Ты как можешь доказать, что ты армянин? Во-первых, ты разговариваешь (жен., 46 л.).

Важным моментом также является то, что благодаря школам, культурным армянским центрам происходит не только обучение языку детей, подростков и взрослых, но также достигается определенная языковая унификация внутри диаспоры. Поскольку обучение ведется на литературном армянском языке, различные диалектные формы, которые, как правило, используются в пределах семьи, претерпевают трансформации.

Заключение

Миграция на новые территории связана со значительными культурными изменениями, важнейшими среди них являются лингвистические, а языковая политика государства является существенным фактором, влияющим на конкретные языковые практики мигрантов. Для большинства мигрантов переезд связан прежде всего с необходимостью освоения нового языка как неотъемлемого условия их успешной адаптации и интеграции в принимающее общество.

Однако ситуация с мигрантами из Армении в России показывает, что функциональное пространство языка характеризуется сложной композицией выполняемых им функций. В качестве наиболее актуализированных выступают: функция стимулирования и направления миграции, адаптивная функция, функция сохранения и воспроизводства этнической культуры, а также функция идентификации. Возможности реализации в полном объеме рассмотренных выше функций языка способны обеспечить более комфортные условия для мигрантов в принимающем обществе и напрямую зависят от языковой политики государства. Языковая политика должна быть четко направлена, с одной стороны, на обеспечение необходимого уровня языковых компетенции мигрантов как ключевом элементе социальной жизни, прежде всего на рабочем месте. С другой стороны, она должна формировать у мигрантов чувство принадлежности к новому окружению, учитывая при этом их прежние привязанности. Вместе с тем необходимо учитывать тот факт, что чувство принадлежности напрямую зависит от планов мигранта: стремятся ли они осесть, закрепиться в стране или рассматривают ее как пункт временного назначения. При этом функциональное пространство языка у мигрантов не ограничивается перечисленным функционалом, что позволяет рассматривать это направление как определенную исследовательскую перспективу.

Библиографический список

- Алпатов, В. М. (2018). Языковая политика в современном мире. *Языковое единство и языковое разнообразие в полиэтничном государстве. Международная конференция (Москва, 14–17 ноября 2018 г.): доклады и сообщения* (с. 24–33) Москва: Языки народов мира.
- Бурдые, П. (2005). О производстве и воспроизводстве легитимного языка. *Отечественные записки*, 2(23).
- Вахтин, Н. Б. (2001). Условия языкового сдвига (К описанию современной языковой ситуации на Крайнем Севере). *Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки*, 1, 11–16.
- Всероссийская перепись населения РФ 2020 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. *Госкомстат*. Режим доступа https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm
- Геллнер, Э. (1991). *Нации и национализм*. Москва: Прогресс.
- Гронская Н. Э. (2012) Языковая политика через призму миграции: как угроза языковой идентичности. В *Двадцать лет спустя: 1991–2011: Реорганизация пространства и идентичности: Материалы международного конгресса*. (с. 56–63) М.: РГГУ.
- Доклад о миграции в мире — 2022. Режим доступа <https://roscongress.org/materials/doklad-o-migratsii-v-mire-2022/>
- Донцов, А. И., Стефаненко, Т. Г., Уталиева, Ж. Т. (1997). Язык как фактор этнической идентичности. *Вопросы психологии*, 4, 75–86.
- Ракачев, В. Н., Ракачева, Я. В. (2021). Миграционный обмен между Арменией и Россией: структура и направленность миграционных потоков. *III Всероссийский демографический форум*

- с международным участием: материалы форума (Москва, 3–4 декабря 2021 г.) (с. 264–268) Москва: ФНИСЦ РАН.
- Рикер, П. (1995). Повествовательная идентичность. *Герменевтика. Этика. Политика* (с. 19–37) Москва: АCADEMIA.
- Социально-экономическое положение России за 2023 г. Режим доступа <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>.
- Табуре-Келлер, А. (1972). К изучению двуязычия в социологическом плане. *Новое в лингвистике*, 6, 170–182.
- Тишков, В. А., Степанов, В. В. (2021). Языки Российской Федерации и их статус. В *Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России* (с. 52–63) Москва: ИЭА РАН.
- Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России* (2021). Москва: ИЭА РАН.
- Bechhofer, F., Mccrone, D., Kiely, R., Stewart, R. (1999). Constructing National Identity: Arts and Landed Elites in Scotland. *Sociology the Journal of The British Sociological Association*. 33, 515–534.
- Breakwell, G.M. (1986). *Coping with Threatened Identities*. L., N.Y.: Mithuen.
- Esser, H. (2006). *Migration, Language and Integration*. Berlin: WZB.
- Fishman, J. A. (Ed.) (1968). *Readings in the Sociology of Language*. The Hague: Mouton.
- Giles H., Coupland J., Coupland N. (Eds) (1991). *Contexts of accommodation*. New York: Cambridge University Press.
- Glick Schiller, N., Basch, L., Szanton Blanc, C. (1992) Transnationalism: a New Analytic Framework for Understanding Migration. In *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered* (p. 1–24). New York: New York Academy of Sciences.
- Hall, S. (1999). *Identiteetti*. Tampere: Vastapaino.
- Herman, S. (1968). *Explorations in the Social Psychology of the Language Choice. Readings in the Sociology of Language*. Ed. by J. Fishman. The Hague: Mouton.
- Huang, C., Clancy, L., Austin, S. (2024). Language and Traditions Are Considered Central to National Identity. Pew Research Center. January 18. Режим доступа <https://www.pewresearch.org/global/2024/01/18/language-and-traditions-are-considered-central-to-national-identity/>
- Kerswill, P. (2006). Migration and language. *Sociolinguistics/Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society*. 3, 1–27.
- King, R. (1993). European International Migration 1945–90: A Statistical and Geographical overview. In *Mass migration in Europe: The Legacy and the Future* (p. 19–39) London, Belhaven.
- Liebscher, G., Dailey-O’Cain, J. (2013). *Language, Space and Identity in Migration*. Springer.
- May, S. (2000). *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. London: Longman.
- Tabouret-Keller, A. (1997). Language and Identity. In F. Coulmas (Eds.), *The Handbook of Sociolinguistics* (p. 315–326) Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- The Demographic Handbook of Armenia* (2023). Yerevan.
- Trudgill, P. (1986). *Dialects in contact*. Oxford: Basil Blackwell.
- Zaslavskaya, M. (2015). Armenian Transnationalism: On Some Features of Ethnic Identity Transformation in Transnational Migration Networks in Armenians around the World: Migration and Transnationality. In *Societies and States in Transformation* (pp. 21–49). Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien.

Статья поступила в редакцию 20.11.2023

Статья принята к публикации 10.02.2024

Для цитирования: Ракачев В. Н., Ракачева Я. В., Аветисян В. Г. Функциональное пространство языка у армянских мигрантов в России. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2024. Т. 25. № 1. С. 80–93.

FUNCTIONAL SPACE OF LANGUAGE FOR ARMENIAN MIGRANTS IN RUSSIA

V. N. Rakachev, Ya. V. Rakacheva, V. G. Avetisyan

Vadim N. Rakachev

E-mail: midav.sf@mail.ru. ORCID 0000-0002-6505-4208.

Kuban State University, Stavropol'skaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia

Yaroslava V. Rakacheva

E-mail: soccenter.kubsu@gmail.com. ORCID 0000-0003-0540-6408.

Kuban State University, Stavropol'skaya St., 149, Krasnodar, 350040, Russia

Vae G. Avetisyan

E-mail: slavius1@rambler.ru. ORCID 0009-0006-4789-1308.

Russian-Armenian (Slavonic) University, Hovsep Emin St., 123, Yerevan, 0051, Republic of Armenia

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the joint Russian-Armenian project “Mechanisms of national identity transformation in modern migration processes (on the example of Armenia – South Russia migration network)”, No 20-511-05019 Arm_a, with the financial support of the RFBR.

Abstract. The objective of this study is to identify a specific set of functions that language(s) fulfill, to demonstrate which ones are relevant in the context of migration, and to illustrate how language choices are made, influenced by the language policy of the receiving state, as well as the way it is reflected in the linguistic awareness and the identity of the migrants. It is observed that migration into new territories is, as a rule, accompanied by considerable cultural changes, most notably linguistic. For the majority of migrants, relocation necessitates the acquisition of a new language, which is an indispensable factor for successful adaptation and integration into the host community. The analysis of the situation with Armenian migrants in Russia indicates that the functional space of language is characterized by a complex composition of the functions it performs. The most pertinent functions are those of stimulating and directing migration, the adaptation function, the function of preserving and reproducing ethnic culture, and the function of identification. The effective implementation of the aforementioned functions of language can facilitate a more favorable environment for migrants in the receiving society. This depends on the language policy, which must ensure that migrants possess the requisite linguistic competence while also fostering in them a sense of belonging to their new environment, taking into account their former preferences. It is also important to consider that the sense of belonging is contingent upon migrants' intentions. These may include the desire to settle permanently, to establish oneself in the country, or to view it as a temporary destination. The article employs a comprehensive approach, integrating modern concepts of identity, migration, and sociolinguistics.

Keywords: migration, identity, linguistic consciousness, Armenia, Russia, transnationalism, markers of identification, language policy, linguistic capital.

DOI 10.31429/26190567-25-1-80-93

References

- Alpatov, V. M. (2018). *Yazykovaya politika v sovremennom mire*. [Language Policy in the Modern World. Linguistic Unity and Linguistic Diversity in a Multi-Ethnic State]. In *Yazykovaya politika v sovremennom mire. Yazykovo edinstvo i yazykovo raznoobrazie v polie tricheskom gosudarstve* [Linguistic Unity and Linguistic Diversity in a Multi-ethnic State. International Conference] (pp. 24–33) Moskva: Yazyki narodov mira.
- Bechhofer, F., Mccrone, D., Kiely, R., Stewart, R. (1999). Constructing National Identity: Arts and Landed Elites in Scotland. *Sociology the Journal of The British Sociological Association*, 33, 515–534.
- Breakwell, G.M. (1986). *Coping with Threatened Identities*. L., N.Y.: Mithuen.

- Burd`e, P. (2005). O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo yazyka [On the Production and Reproduction of Legitimate Language]. *Otechestvennyye zapiski*. [Domestic Notes], 2(23).
- Doklad o migratsii v mire — 2022 [Report on Migration in the World — 2022]. Retrieved from <https://roscongress.org/materials/doklad-o-migratsii-v-mire-2022/>
- Dontsov, A. I., Stefanenko, T. G., Utalieva, Zh. T. (1997). Yazyk kak faktor etnicheskoj identichnosti [Language as a Factor of Ethnic Identity]. *Voprosy` psikhologii* [Psychology Question], 4, 75–86.
- Esser, H. (2006). *Migration, Language and Integration*. Berlin: WZB.
- Fishman, J. A. (Ed.) (1968). *Readings in the Sociology of Language*. The Hague: Mouton.
- Gellner, E. (1991). *Natsii i natsionalizm* [Nation and Nationalism]. Moskva: Progress.
- Giles H., Coupland J., Coupland N. (Eds) (1991). *Contexts of accommodation*. New York: Cambridge University Press.
- Glick Schiller, N., Basch, L., Szanton Blanc, C. (1992) Transnationalism: a New Analytic Framework for Understanding Migration. In *Towards a Transnational Perspective on Migration: Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered* (p. 1–24) New York: New York Academy of Sciences.
- Gronskaya, N. E. (2012). Yazykovaya politika cherez prizmu migratsii kak ugroza yazykovoy identichnosti [Language Policy Through the Prism of Migration: as a Threat to Linguistic Identity]. In *Dvadsat` let spustya: 1991–2011: Reorganizatsiya prostranstva i identichnosti: Materialy mezhdunarodnogo kongressa* [Twenty Years Later: 1991–2011: Reorganisation of Space and Identity: Proceedings of the International Congress] (pp. 56–63) M.: RGGU.
- Hall, S. (1999). *Identiteetti*. Tampere: Vastapaino.
- Herman, S. (1968). Explorations in the Social Psychology of the Language Choice. *Readings in the Sociology of Language*. Ed. by J. Fishman. The Hague: Mouton.
- Huang, C., Clancy, L., Austin, S. (2024). Language and Traditions Are Considered Central to National Identity. Pew Research Center. January 18. Режим доступа <https://www.pewresearch.org/global/2024/01/18/language-and-traditions-are-considered-central-to-national-identity/>
- Kerswill, P. (2006). Migration and language. *Sociolinguistics/Soziolinguistik. An International Handbook of the Science of Language and Society*. 3, 1–27.
- King, R. (1993). European International Migration 1945–90: A Statistical and Geographical overview. In *Mass migration in Europe: The Legacy and the Future* (p. 19–39) London, Belhaven.
- Liebscher, G., Dailey-O’Cain, J. (2013). *Language, Space and Identity in Migration*. Springer.
- May, S. (2000). *Language and Minority Rights: Ethnicity, Nationalism and the Politics of Language*. London: Longman.
- Rakachev, V. N., Rakacheva, Ya. V. (2021). Migratsionnyy obmen mezhdru Armeniei i Rossiei: struktura i napravlennost` migratsionnykh potokov [Migration exchange between Armenia and Russia: structure and direction of migration flows]. In *III Vserossiyskiy demograficheskiy forum s mezhdunarodnym uchastiem* [III All-Russian demographic forum with international participation] (pp. 264–268). Moskva: FNISTS RAN.
- Riker, P. (1995). Povestvovatel’naya identichnost` [Narrative Identity]. In *Germenevtika. Etika. Politika* [Hermeneutics. Ethics. Politics] (pp. 19–37). Moskva: ACADEMIA.
- Sotsial’no-ekonomicheskoye polozheniye Rossii za 2023 g. [Socio-Economic Situation of Russia for 2023]. Retrieved from <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801>
- Tabouret-Keller, A. (1997). Language and Identity. In F. Coulmas (Eds.), *The Handbook of Sociolinguistics* (p. 315–326) Oxford: Blackwell Publishing Ltd.
- Tabure-Keller, A. (1972). K izucheniyu dvuyazychiya v sotsiologicheskome plane [Towards the Study of Bilingualism in Sociological terms]. *Novoe v lingvistike* [New in Linguistics], 6, 170–182.
- The Demographic Handbook of Armenia* (2023). Yerevan.
- Tishkov, V.A., Stepanov, V.V. (2021). Yazyki Rossiyskoy Federatsii i ikh status [Languages of the Russian Federation and Their Status]. In *Yazyk i identichnost’: antropologicheskoe issledovanie situatsii*

- v *Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia] (pp. 52–63) Moskva: IEA RAN.
- Trudgill, P. (1986). *Dialects in contact*. Oxford: Basil Blackwell.
- Vakhtin, N. B. (2001). Usloviya yazykovogo sdviga (K opisaniyu sovremennoy yazykovoy situatsii na Kraynem Severe) [Conditions of Linguistic Shift (To the Description of the Modern Linguistic Situation in the Far North)]. *Vestnik molodykh uchenykh. Seriya: Filologicheskiye nauki* [Bulletin of Young Scientists. Series: Philological Sciences], 1, 11–16.
- Vserossiyskaya perepis' naseleniya RF 2020 g. T. 4. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami, grazhdanstvo [All-Russian Census of the Population of the Russian Federation 2020. T. 4. National Composition and Language Proficiency, Citizenship]. *Goskomstat*. Retrieved from https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612-tom4.htm
- Yazyk i identichnost': antropologicheskoye issledovaniye situatsii v Rossii* (2021). [Language and Identity: Anthropological Study of the Situation in Russia]. Moskva: IEA RAN.
- Zaslavskaya, M. (2015). Armenian Transnationalism: On Some Features of Ethnic Identity Transformation in Transnational Migration Networks in Armenians around the World: Migration and Transnationality. In *Societies and States in Transformation* (pp. 21–49). Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, Oxford, Wien.

Received 20.11.2023

Accepted 10.02.2024

For citation: Rakachev V.N., Rakacheva Ya.V., Avetisyan V.G. Functional Space of Language for Armenian Migrants in Russia.— *South-Russian Journal of Social Sciences*. 2024. Vol. 25. No. 1. Pp. 80–93.

© 2022 by the author(s). This article is an open access article distributed under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY) license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).